

Халипов Виктор Викторович

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Victor Khalipov

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
victor.khalipov@gmail.com

МОТИВ РИТУАЛЬНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ КОРОЛЯ
В РАССКАЗЕ ДЖ. Р. КИПЛИНГА «ДОЛГ»

THE MOTIF OF A RITUAL JOURNEY OF THE KING
IN J. R. KIPLING'S SHORT STORY "THE DEBT"

Практика ритуальных путешествий древнеанглийских королей к местам сражений и захоронений павших, рано отождествленная со странствиями персонажей артуровского цикла и христианскими паломничествами, имеет многочисленные проекции в английской литературе. Неожиданно актуализированным этот мотив оказывается и в рассказе Дж. Р. Киплинга «Долг» (1930). Поведанное нам устами рассказчика-индийца повествование о посещении Георгом V «городов мертвых» погибших в Первой мировой войне воспроизводит важнейшие элементы подобных архаических сакрализованных практик.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Киплинг; древнеанглийская литература; ритуальное путешествие; сакрализованная могила; мотив болезни; циклическое время; фрагментированный хронотоп.

The practice of ritual journeys of the Old English kings to the cemeteries and battlefields, initially associated with King Arthur's characters and Christian pilgrimage, has many projections in English literature. This motif is peculiarly actualized in J. R. Kipling's short story "The Debt" (1930). Being told by an Indian narrator, it describes the visit of King George V to "the cities of the dead" who died in the Great War, and reproduces the most important elements of such archaistic sacralized practices.

К е у w o r d s: Kipling; Old English literature; ritual journey; sacralized entombment; disease motif; cyclical time; fragmented chronotope.

Практика ритуальных путешествий древнеанглийских королей к местам сражений и захоронений павших, рано отождествленная со странствиями персонажей артуровского цикла и христианскими паломничествами, имеет многочисленные проекции в английской литературе. В первую очередь речь здесь идет о художественных текстах, стоящих у истоков национальной культурной традиции, – народно-эпической литературе, архаическом поэтическом наследии донормандского периода, англосаксонских хрониках, а также о некоторых произведениях ранней авторской литературы, вышедших из-под пера Нэнния [1], Беды Достопочтенного [2], Гальфрида Монмутского [3]. При всем разнообразии обнаруживаемых в них версий представляется возможным на их основе реконструировать основные струк-

турные элементы подобных путешествий, восходящих к древнейшим языческим традициям англов, саксов и ютов, а впоследствии интерпретированных в фольклорной традиции не без влияния мифологических мотивов кельтского происхождения.

1. Объектом посещения в путешествиях подобного типа, к которому, собственно, и направляются древние короли (как легендарные правители англосаксонских и кельтских королевств Британии и Ирландии, так и монархи, имеющие реальных исторических прототипов) является некое «место славы»*. Это – могильный курган либо просто место захоронения павших. В гептархической Англии доминируют природные ландшафты, виды ранних королевств скудны на рукотворные достопримечательности, и именно курганы подчеркнута акцентируются в художественном пространстве произведений как значимые культурные маркеры территорий.

2. Захоронения располагаются на периферии освоенного культурного пространства, на окраинах владений короля или вообще за их пределами. Иногда они маркируют край Британии как острова в целом, как бы дополнительно отделяют его от остального мира, либо локализуются за ее пределами, в континентальной Европе, в Ирландии или же вообще на каких-то реально не существующих островах. Неслучайно, например, курган Беовульфа располагают не в центре, а на самом краю его королевства, на берегу моря. Аналогичным образом расположено место погребения Друстана и Исонды – легендарно-мифологических кельтских прототипов куртуазных Тристана и Изольды. Да и Авалон как место погребения (либо «условно посмертного» пребывания) раненого короля Артура лежит за пределами Британии. Редуцированные отголоски этой давней культурной парадигмы спорадически прослеживаются вплоть до викторианской эпохи, обнаруживая себя, например, в «Королевских идиллиях» («*Idylls of the King*», 1859–1885) Альфреда Теннисона [4].

3. Маршрут движения от кургана к кургану представляет собой некую линию (условный круг), обозначающий границы освоенного культурного пространства, противопоставляемого «внешнему» миру, мыслящемуся как потенциально враждебный. Символические перемещения аллегорической фигуры персонажа-короля в границах круглой сцены-арены впоследствии стали одним из важных компонентов системы сцениграфических условностей английского средневекового театра. Подобную фигуру монарха мы встречаем, например, в моралите «Король Жизни» («*The Pride of Life*», 1400) [5]. Рудименты этой традиции можно обнаружить даже в ренессансной драме, например, в трагедии «Горбодук» («*Tragedie of Gorboduk*», 1561) Томаса Нортон и Томаса Секвила [6] (интересно, что сюжет этого произведения был заимствован его авторами у уже упомянутого Гальфрида Монмутского).

---

* Поэма Дж. Чосера «Дом Славы» («*The House of Fame*», 1384) не имеет отношения к рассматриваемой проблематике.

4. Принципиально важным для ритуально путешествия является замкнутость этой воображаемой линии, благополучное возвращение к исходной точке путешествия. Замкнутость путешествия в кольцо увязана с циклической концепцией восприятия времени древнеанглийским языческим сознанием и может рассматриваться как ее символическая визуализация.

5. В плане хронотопа путешествие как бы распадается на отдельные, часто практически никак не связанные между собой эпизоды; непосредственно в сам момент посещения захоронения эпическое время замедляется, растягивается, собственно же перемещение между сакрализованными точками маршрута, напротив, как бы ускорено и описывается весьма сжато.

6. События путешествия всегда разворачиваются весной, что связано с началом нового сельскохозяйственного года и предполагаемой ролью короля как сакрализованной фигуры в обеспечении правильного течения аграрных календарных циклов (в некоторых архаических культурах даже существовала практика ритуального вспахивания первой борозды лично королем – однако вопрос о том, имело ли место подобное в ранних английских королевствах, является достаточно дискуссионным).

7. Часто присутствует мотив болезни короля как редуцированная аллюзия на его архаическую роль ритуальной жертвы, призванной обеспечить плодородие почв и процветание страны. Отголоски этой рано вытесненной и табуированной темы можно обнаружить даже в сравнительно поздних и относительно современных (по меркам Средневековья) куртуазных романах и поэмах о короле Артуре. Английская артуриана повествует о попытках исцеления короля феей Мограной, которая, однако, косвенным образом сама же и провоцирует его «недуг», как это описывается, например, в романе «Смерть Артура» («Le Morte d'Arthur», 1470?) Томаса Мэлори [7].

8. На месте захоронения короля встречает «страж кургана» – некий славный воин, принимавший участие в битве, в которой погиб похороненный там герой. Предполагается наличие особой мистической связи между королем и его воинами (в том числе и павшими), что отсылает к архаическим воинским культам патриархально-мускулинного толка.

9. Воин или король (либо они оба) облачены в одежды (плащ?) синего цвета, что демонстрирует их символическую связь с языческим богом Воденом (древнеанглийский вариант скандинавского Одина), трансцендентальному адресату ритуалов подобных воинских культов. Ненний в «Истории бриттов» и вовсе напрямую возводит к этому божеству генеалогию раннеанглийских королей Кента, Эссекса и Дейры.

10. Синий плащ Водена – защита от болезней и проклятий (их древнеанглийское архаическое сознание воспринимает как нечто очень близкое, если не тождественное), потенциальным источником которых является курган/могила. Смерть от болезни – нежелательная ни для короля, ни для воина «низкая» смерть, противопоставляемая «высокой» героической смерти – гибели на поле брани. Образ могилы, кургана не только ассоциируется со славой, но одновременно наделяется и отрицательными конно-

тациями, увязываясь с мотивом проклятого клада, сокровища, а также может интерпретироваться как врата смерти, проход в потусторонний загробный мир Хелис. Объезжая по кругу курган, всадники-воины как бы обозначают кольцо, замыкающее выход из мира мертвых; кроме того, курган иногда окружался каменной стеной или оградой, как бы дополнительно «запечатывавшей» его. Хорошо известна, например, подобная сцена, описанная в финале «Беовульфа» («Beowulf»):

Ограду крепкую
вокруг могильника
они воздвигли,
из камня стены,
мужи искусные...

Вождю воздали
последнюю почеть
двенадцать всадников
высокородных, –
объехав стены...¹ [8, с. 179].

По сути об этом же повествует нам, например, и Джон Гауэр в 1399 г. [9, р. 424]:

Я бодр, но стар. Уходят силы.
Настало время умереть.
Объедут всадники могилу,
И я познаю слово «смерть»².

11. Важно, что в раннеанглийской литературе король – это всегда всадник, путешествующий именно верхом на коне, который не только акцентирует его статус, но и, будучи одним из важных общеиндоевропейских тотемов, оберегает англосаксонского монарха от женского загробного начала Хелис, дистанцируя его от почвы, поверхности матери-земли. Однако, чтобы почтить павших, король вынужден спешиться, тем самым подвергая себя дополнительной опасности в и без того не безопасном месте, связанном с потусторонним миром.

12. Возможно, связь с Хелис, англосаксонской богиней смерти, прослеживается и в самом наименовании особого оттенка синего цвета плаща Водена – хельблу, в том же значении бытующего и в современной британской культуре, по крайней мере в сфере пре де порте³. В раннем Средневековье именно синий цвет, а не черный, считался в Англии цветом траура и смерти.

13. Кульминационная сцена путешествия – ритуальное обнажение «стража кургана» перед прибывшим королем. Предположительно раздевшийся ветеран демонстрирует полученные им в схватках шрамы и увечья, а возможно – и некие специально нанесенные отметины, свидетельствующие о его высоком воинском статусе. Король осматривает воина, повелевает ему одеться, и на этом посещение захоронения завершается.

---

¹ Перевод с древнеанглийского В. Тихомирова.

² Перевод со среднеанглийского наш. – В. Х.

³ В то же время непосредственно у раннеанглийских авторов цвет «хельблу» мы не встречаем; возможно, это более поздний конструкт.

14. Успешно замкнувший круг ритуального путешествия король исцелен, и готов к новому циклу правления страной. Сама информация о болезни короля, в случае, если подобный мотив присутствует, нередко вводится в повествование с помощью своего рода флэшбэка, ретроспекции – то есть только тогда, когда речь заходит о выздоровлении персонажа мы, собственно, и узнаем, что он все это время испытывал недомогание.

15. Что именно за недомогание испытывал король, что именно за болезнь он превозмог, никогда не конкретизируется. Возможно, иносказательным образом под болезнью подразумевается просто старость, дряхлость правителя. А его циклическое весеннее путешествие символизирует смерть старого и воцарение нового молодого монарха.

Некоторые из компонентов предлагаемой структурной модели ритуального путешествия могут быть факультативными, но общая его картина, нашедшая художественное воплощение в английской средневековой литературной традиции, именно такова.

Неожиданно актуализированным мотив ритуальных путешествий древнеанглийских королей оказывается в рассказе Дж. Р. Киплинга «Долг» («The Debt», 1930) [10; 11], вместе с известным стихотворением поэта «Паломничество короля» («The King's Pilgrimage», 1922) [12], составляющим своеобразную поэтико-прозаическую дилогию [13]. Поведанное нам устами рассказчика-индийца повествование о посещении Георгом V «городов мертвых» погибших в Первой мировой войне воспроизводит важнейшие элементы подобных сакрализованных практик. Мусульманин Зухар Хан, бывший солдат британской армии, а ныне заключенный тюрьмы, пересказывает нам другую историю, когда-то услышанную им от его бывшего командира, причем пересказ этот адаптирован для восприятия специфическим слушателем – маленьким мальчиком-англичанином. Таковое пересказывание уже рассказанного, естественно, не означает точного воспроизведения услышанного, а представляет собой скорее вольную художественную интерпретацию, как бы переведенную рассказчиком на язык органичного для него культурного опыта. Так, Георг V уважительно именуется падишахом (титул, соответствующий европейскому императору. Георг V был коронован в качестве императора Индии), король и его генерал по ходу развития действия клянутся Аллахом и т. д. Конечно, хотелось бы сказать, что Киплинг тем самым предвосхищает позднейшие кросскультурные и постмодернистские искания современной британской литературы, но представляется, что все же стоит воздержаться от подобных умозаключений.

Однако вернемся к ритуальному путешествию и рассмотрим, какие из его компонентов, выделенных нами ранее применительно к средневековой литературной традиции, обнаруживаются и в рассматриваемом нами небольшом рассказе. А таковых оказывается немало.

Объектами посещения Георгом V являются места захоронений павших в Первой мировой войне, с почестями похороненных ранее по его же повелению. При этом возведенные по приказу короля кладбища, напоми-

нающие города с каменными стенами и дорогами, в восприятии рассказчика-индийца являются чем-то прекрасным. Они подчеркнута контрастируют с окружающими их руинами реальных городов Европы, разрушенных во время войны. Конечно, здесь возникают определенные ассоциации и с Варанаси, священным индийским «городом мертвых».

Сравнительно развернуто дано описание лишь сцены на кладбище, описание же самих перемещений короля лишь кратко намечено. Захоронения располагаются не в Британии, а за морем, в континентальной Европе. Могилы сконцентрированы в местах боев, то есть как бы маркируют границы условно «своей» территории, которую павшие британские воины отстаивали от условно «чужих». Посетив захоронения, король возвращается в исходную точку своего путешествия, отплывает обратно в Англию.

Все это навевает определенные ассоциации с путешествиями короля Артура, по крайней мере, в том варианте, в котором они представлены в «Истории королей Британии» («*Historia Regum Britanniae*», 1136) Гальфрида Монмутского [3] и основывающихся на ней позднейших рыцарских романах. Король активно странствует здесь за пределами Британии, в континентальной Европе; фикционально он интерпретируется как общепризнанный лидер всего христианского мира. Возможно подобные попытки средневековых английских авторов, в особенности Гальфрида, литературно обосновать особую роль Англии в Европе, оказались созвучными самоощущению Британской империи после победы в Первой мировой войне. По странному совпадению (или не-совпадению) в том же в 1930-м г., когда Киплинг публикует рассказ «Долг», Уинстон Черчилль впервые публично высказывается об идее единого «Европейского союза» на страницах *The Saturday Evening Post*, где, по сути, говорит о том же самом – только уже в формате современного политического дискурса.

Георг V путешествует ранней весной, что особо подчеркивается в произведении (ярко светит солнце, но еще холодно), как раз накануне начала нового годового сельскохозяйственного цикла. Сама поездка монарха по разрушенной войной, как бы «мертвой», «зимней» Европе символически может быть ассоциирована с пробуждением ее к жизни. Ритуализированную в эстетике социальной мифологии воинского братства церемонию встречи короля на кладбищах проводят не местные светские и духовные иерархи, а один человек – непосредственный участник сражения, жертвы которого захоронены в погребении.

При приближении короля воин снимает с себя шинель, то есть частично раздевается, чтобы продемонстрировать монарху свои ордена и медали (по сути – те же знаки воинской доблести, коими у древнеанглийского героя являлись шрамы, увечья и отметины на теле). Приехавший король повелевает ему облачиться назад в шинель, которая, по его мнению, сможет уберечь его от неясной болезни с табуированным (в устах рассказчика-индуса) названием. Сама шинель как таковая (форменное шерстяное пальто со складкой на спине), по мнению историков военной моды с большой долей вероятности

является чисто английским изобретением, ведя свое начало от теплых шерстяных плащей, распространенных в Средневековье в среде воинской элиты народов Северной Европы. Цвет шинели Киплинг не уточняет, однако британская морская шинель времен Первой мировой войны, широко использовавшаяся в ходе военных действий, была именно синего цвета. Но, повторимся, прямых указаний на цвет в тексте рассказа нет.

Как и его древнеанглийские предшественники, Георг V – всадник, который спешивается на землю, чтобы почтить павших. Встречающий его воин находится в замкнутом сплошными каменными стенами пространстве узкого кладбища с единственными воротами. Это почему-то особо оговаривается Киплингом и полностью соответствует литературным описаниям (да и современным археологическим реконструкциям) соответствующих раннеанглийских погребальных объектов.

Лейтмотивом всего рассказа Киплинга является известие о болезни короля; болен и встречающий его на кладбище ветеран боев. Название болезни не называется, она именуется расплывчато-иносказательно, хотя при этом доподлинно известно, что король страдает о того же самого недуга, что и некогда приветствовавший его воин.

Несмотря на некоторые расхождения со средневековой схемой, очевидны и сходные моменты, которые сложно признать просто случайным совпадением. Однако вопрос о самих причинах их присутствия в тексте рассказа Киплинга можно назвать спорным. Конечно, весьма заманчивым с точки зрения красоты литературоведческой концепции было бы объяснить их присутствие непосредственным воздействием раннеанглийской литературы на творчество писателя. Действительно, еще с эпохи романтизма в Англии, как и в других европейских странах, начинается процесс актуализации этого пласта национального литературного наследия, долгое время остававшегося пластом маргинальных малопрецедентных текстов. Продолжился этот процесс и в XX веке. Однако какие-либо литературные факты, позволившие бы напрямую увязать творчество Киплинга с раннеанглийской литературой, нам неизвестны.

Более вероятным представляется опосредованное воздействие упомянутых нами текстов и их отдельных мотивов через творчество более поздних авторов, которые, как это часто бывает в литературном процессе, как бы по цепочке ретранслировали в XX в. эти и иные топосы раннеанглийской культуры с неизбежными трансформациями и дополнениями, которые приносила в них каждая литературная эпоха, художественно развивая в них именно то, что оказывалось для нее актуальным и злободневным. Можно предположить, что смутные отголоски воспоминаний о давно канувших в Лету ритуальных практиках оказались как бы растворенными в культуре Британии на уровне коллективного литературного бессознательного, архетипических моделей английской идентичности, многообразных интертекстуальных связей между произведениями. Новые, порой неожиданные, формы актуализации вышеописанного предлагает и современная культура.

Подобные моменты обнаруживаются, например, в фантастической притче Роберта Шекли «Город мертвых» («The City of the Dead», 1994) [14], написанном уже в 90-е гг. XX века. Стоит отметить, что рассматриваемые мотивы подвергаются здесь существенному переосмыслению, сопрягаясь с реалиями античной мифологии, а доминирующей тональностью дискурса становится постмодернистская ирония. В более традиционном ключе рассматриваемые мотивы интерпретируются в текстах баллад британских и американских групп, играющих фолк-рок, их можно встретить и у представителей экстремальных и экспериментальных течений хеви-метала и англоязычной тяжелой музыки в целом. Ряд сходных моментов можно обнаружить и в некоторых аркадах типа «Путешествие короля», «Потерявшийся король», «Путешествие короля джунглей», «Книга джунглей», напрямую отсылающих нас уже непосредственно к произведениям Киплинга, достаточно популярного сегодня у апроприаторов литературной классики в компьютерных играх.

Чем же является путешествие Георга V в рассказе «Долг»? Просто формальным приемом, конструктом сюжетостроения предренессансного типа, в какой превратил паломничество Чосер? Очевидно, что это никак не странствие рыцарей артурианского типа, предполагающее некий внешний результат, остающийся после его завершения – обретение Грааля либо духовно-религиозное преображение, перерождение героя, странствие, связанное с идеей динамики, развития, прогресса в широком смысле. Древнеанглийское же ритуализированное путешествие – напротив, подчеркнуто процессуально, нацелено на воспроизведение некой условно древней схемы, последовательности сакрализованных действий и имеет своей целью не обретение чего-то нового, а напротив, поддержание существующего статус-кво. Это – порядок, статика, традиция, циклическое время, стремление укоренить себя в настоящем путем апеллирования к прошлому. Нам представляется, что странствие именно такого типа представлено в рассматриваемом рассказе Киплинга, где предполагаемый традиционализм английских королей интерпретируется как универсальная ценность, близкая и иным народам Британской империи.

СОДЕРЖАНИЕ

1. *Nennius. The History of the Britons* / Nennius. – Whitefish, Keessinger Publishing LLC, 2010. – 46 p.
2. *Беда Достопочтенный. Церковная история народа англосаксов* / Беда Достопочтенный. – М. : Директ-Медиа, 2009. – 828 с.
3. *Гальфрид Монмутский. История бриттов* / Гальфрид Монмутский // История бриттов. Жизнь Мерлина. – М. : Наука, 1984. – 285 с.
4. *Tennyson, A. Idylls of the King* / A. Tennyson. – Boston : Houghton Mifflin Co, 1963. – 190 p.

5. *Klausner, D. N.* [Electronic resource] / The Pride of Life and Wisdom // The Pride of Life. In Two Moral Interludes. – Kalamazoo, MI: Medieval Institute Publications, 2008. – Mode of access : <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/klausner-two-moral-interludes-the-pride-of-life>. – Date of access : 09.09.2021.
6. *Нортон, Т.* Горбрек, или Феррекс и Порс. М. [Электронный ресурс] / Т. Нортон, Т. Секвилл. – Режим доступа : https://issuu.com/stonedhamlet/docs/norton_sackville_gorboduc?backgroundColor=%2523222222. – Date of access : 09.09.2021.
7. *Мэлори, Т.* Смерть Артура / Т. Мэлори. – М. : Октопус, 2017. – 800 с.
8. Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М. : Худож. лит., 1975. – 749 с.
9. *Gower, J.* Quatrain / J. Gower // The Complete Works Of John Gower. – Whitefish : Kessinger Publ., 2007. – 664 p.
10. *Kipling, R. J.* The Debt [Electronic resource] / R. J. Kipling // Limits and Renewals / R. J. Kipling. – Mode of access : <http://www.telelib.com/authors/K/KiplingRudyard/prose/LimitsRenewals/debt.html>. – Date of access : 09.09.2021.
11. *Киплинг, Р.* Долг / Р. Киплинг // Иностр. лит. – 2019. – № 2. – С. 198–207.
12. *Kipling, R. J.* The King's Pilgrimage [Electronic resource] / R. J. Kipling // The King's Pilgrimage. – London : Hodder and Stoughton, 1922. – Mode of access : <https://www.gutenberg.org/files/36075/36075-h/36075-h.htm>. – Date of access : 09.09.2021.
13. *McGivering, J.* The Debt [Electronic resource] / J. McGivering. – Mode of access : http://www.kiplingsociety.co.uk/rg_debt1.htm. – Date of access : 09.09.2021.
14. *Sheckley, R.* The City of the Dead / R. Sheckley // Uncanny Tales. – N. Y. : NYRB Classics, 2012. – 320 p.

Поступила в редакцию 14.10.2021